

П. Шубин

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ**

**УЧПЕДГИЗ
Москва 1963**

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возрастающая с каждым годом потребность нашей страны в специалистах разного рода, владеющих в той или иной степени иностранными языками, ставит серьезные задачи перед методикой обучения языкам. Теперь стала особенно явной несостоятельность традиционной методики, применение которой в течение многих лет обучения приводит лишь к незначительному продвижению в практическом овладении языком. Невозможно отрицать тот факт, что шестилетнее обучение иностранному языку в нашей школе дает в большинстве случаев ничтожные практические результаты и что даже продолжение изучения языка в высшем (нелингвистическом) учебном заведении не ведет к заметному прогрессу в освоении языка как средства общения. В итоге мы нередко встречаем людей, «изучавших» язык в течение 6, 10 (школа + вуз) или даже 12 лет (школа + вуз + аспирантура) и все же не умеющих ни объяснить на правильном иностранном языке, ни разобратся в тексте средней трудности, ни изложить свои мысли на письме. Совершенно ясно, что необходима коренная перестройка и рационализация всей методической системы обучения иностранным языкам.

При этом нас не могут удовлетворить популярные за рубежом разновидности «прямого» или «устного» метода, возникшие как реакция на засилье архаической традиционной методики и дающие в начальных стадиях обучения известные положительные результаты в овладении устной речью. Мы не можем «взять на вооружение» эти методы, во-первых, потому, что они не представляют собой сколько-нибудь цельной и законченной методической системы, которая охватывала бы весь цикл школьного или вузовского обучения или хотя бы значительную его часть, и, во-вто-

рых, вследствие почти полного пренебрежения к письменному языку, характерного для авторов указанных методов. Если Берлица, Пальмера и прочих «пряместов» вполне устраивала подготовка лиц, умеющих немного говорить на иностранном языке (для работы в качестве коммивояжеров, гидов, портье, слуг и т. д.), но практически неграмотных или малограмотных в сфере данного языка, то для нас подобные системы обучения совершенно неприемлемы. Мы ставим целью гармоническое овладение разными видами деятельности на иностранном языке (как в устной речи, так и в языке письма), которое обеспечивало бы удовлетворение многосторонних и непрерывно растущих интеллектуальных запросов советского человека.

Главная причина неадекватности как традиционной, так и «пряместской» методики заключается, по нашему мнению, в том, что ни одна, ни другая не базируется на прочном научно-лингвистическом фундаменте. Традиционная методика (в основном практикуемая в нашей школе) уходит своими корнями в далекое прошлое, когда в центре внимания были не живые звуковые языки, а мертвые письменные — латынь и древнегреческий. Что касается «пряместизма» или разных «эклектических» его вариантов, то все они представляют собой набор эмпирических приемов, никогда не получавших сколько-нибудь надежного лингвистического обоснования.

Научную методику обучения языкам надо строить заново, и это возможно лишь при условии, что будут правильно поняты и полностью учтены наиболее фундаментальные свойства языка и языкового общения.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, делится на две части. В первой из них описываются (по необходимости весьма кратко) те аспекты языковой коммуникации, которые, по мнению автора, имеют первостепенное значение для обучения языкам; здесь же формулируются основные принципы рациональной методики. Вторая часть книги посвящена обсуждению более частных вопросов, связанных с преподаванием иностранных языков в средней школе.

Эта небольшая книга отнюдь не претендует на то, чтобы исчерпать все затронутые в ней вопросы; мы надеемся лишь, что высказанные здесь мысли послужат стимулом для творческого подхода к актуальным проблемам методики.

Э. П. Шубин

Пятигорск, 1960 г.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ МЕТОДИКИ

Глава I

ПРИРОДА И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Если бы разумные обитатели какой-либо планеты занялись изучением жизни на Земле, то они, несомненно, установили бы, что одним из важнейших элементов существования людей, постоянно сопровождающим их сознательную деятельность, является **обмен дифференцированными сигналами**, имеющими обычно форму звуков или графических значков.

Нет никакого сомнения и в том, что если люди когда-нибудь обнаружат на других планетах формы жизни, развитые до степени осмысленного и организованного воздействия живых существ на окружающий мир, то и там они встретятся с постоянным обменом дифференцированными сигналами, физическая природа и структура которых могут, впрочем, оказаться в корне отличными от физической природы и структуры сигналов, используемых у нас, на Земле.

Более внимательное исследование любой подобной системы сигналов выявило бы, что они предназначены для целей **взаимной информации**, т. е. для передачи **сообщений**, представляющих собой в конечном счете описание фрагментов (ситуаций) действительности, определенным образом «обработанных» и преломленных в сознании членов языкового коллектива. Наличие **системы взаимной информации**, жизненно необходимой в первую очередь для **координации усилий** индивидов в их взаимодействии с внешним миром, но используемой также и для других, самых разнообразных целей общения, есть обязательное условие существования и развития коллектива мыслящих существ.

Универсальная система однородных дифференцированных сигналов, служащих для целей взаимной информации

в коллективе людей, — это и есть язык, а совокупность этой системы сигналов и всех единичных актов обмена ими составляет то, что мы называем языковым общением людей.

Дифференцированность или расчлененность единиц информации (сообщений) обусловлена в конечном счете самим содержанием материального мира, а также организацией нашего мышления, в основном правильно познающего предметы, процессы, явления как существующие в пространстве и во времени, имеющие различные аспекты своего существования (свойства) и находящиеся в непрерывной и изменяющейся взаимосвязи. Ясно, что информационные сообщения на любом языке, призванные отображать (через посредство сознания) фрагменты и ситуации действительности, не могут в известной мере не воспроизводить композицию этих фрагментов, т. е. наличие в них отдельных предметов, процессов, явлений с присущими им свойствами и взаимосвязями. Этим в конечном счете и объясняется тот факт, что сообщение в общем случае является **сложным целым**, т. е. состоит из компонентов, в свою очередь обладающих разной сложностью и отображающих разные элементы и аспекты действительности, познанные и опосредствованные в сознании членов коллектива.

Компоненты, из которых складываются языковые сообщения, принято называть языковыми **знаками**.

Языковой знак — это звуковой или графический комплекс, соотносящийся с определенной единицей мышления, т. е. с преломленным и обобщенным в нашем сознании элементом (элементами) или аспектом действительности, и находящийся в определенном системном соответствии с другими языковыми знаками. Самые мелкие компоненты, на которые можно разложить языковое сообщение, — фонемы и слоги — уже не соотносятся с какими-либо единицами мышления и поэтому не являются знаками (хотя они и находятся в строго определенном системном соответствии друг с другом). Ниже свойства языковых знаков будут рассмотрены более подробно.

Универсальность системы языка следует понимать как способность языка обслуживать все сферы сознательной деятельности человека (умственной и физической); это свойство существенно отличает язык от различных вспомогательных систем сигналов.

Выше мы говорили о том, что главным назначением языка и стимулом, послужившим к его формулированию, яв-

ляется обслуживание системы взаимной информации в людском коллективе. Однако этим не исчерпываются сущность языка и его функции.

Известно, что язык есть не только важнейшее средство общения, но что он в то же время является «непосредственной действительностью мысли» и «практическим сознанием»¹. Иными словами, с помощью языка мы не только общаемся (обмениваемся информацией), но также **мыслим** и **познаем** действительность. Язык есть одновременно **форма** развитаго мышления и **орудие** его развития.

Механизм мышления человека известен в настоящее время лишь в самых общих чертах; есть основания полагать, что в недалеком будущем будут созданы надежные научно-экспериментальные средства исследования этого сложнейшего явления². Бесспорно, однако, что главную роль в процессах мышления играют хранящиеся в нашей памяти **образы или отпечатки языковых знаков** (звуковых или графических). Комбинируясь друг с другом различным образом, сочетаясь с непосредственными представлениями, ощущениями, эмоциями, они образуют сложную мозаику того, что именуется мыслью.

Мыслить можно только «на языке» и с помощью языка. Способность мыслить определяется в значительной степени тем запасом языковых знаков, который запечатлен в сознании индивида, а также умением их комбинировать, т. е. создавать новые языковые знаки и их образы.

Необходимо подчеркнуть, что процесс мышления не тождествен акту языковой коммуникации. Разумеется, образы языковых знаков, хранящиеся в нашей памяти, вполне материальны и не представляют собой чего-либо мистического. Однако звуковое или письменное языковое сообщение не идентично тем элементам и категориям мышления, на которых оно базируется. Облечение мысли в оболочку слышимых или видимых языковых знаков требует от нас дополнительных усилий и специальных навыков.

С другой стороны, мышление может развиваться и существовать лишь **на базе** языкового общения и **через** посредство языкового общения (устного или письменного).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*. Соч., изд. 2, т. III, стр. 29.

² К числу таких средств относится, в частности, «моделирование мозга» с помощью счетно-электронных машин и исследование электрических колебаний, генерируемых работающим мозгом.

Главным средством развития мышления у индивида (ребенка или взрослого, говорящего или глухонемого, нормального или умственно отсталого) является внедрение в его сознание **через языковое общение** системы языковых знаков, обучение умению создавать новые знаки, адекватно отображающие явления и ситуации реальной действительности и полезные для взаимной информации, и, наконец, развитие навыков языковой коммуникации, необходимых для полноправного участия в языковом общении и трудовой деятельности данного языкового коллектива.

Нам легче всего проследить взаимообусловленность языка и мышления, наблюдая за развитием ребенка. Мы видим, как с каждым новым, запечатленным в памяти ребенка словом, словосочетанием и предложением, с каждым новым языковым знаком, построенным им самим, развивается техника мышления и способность осознавать окружающий мир и себя самого.

Само собой разумеется, что освоение **второго** (иностранного) языка не сопряжено со сдвигами в мышлении, сравнимыми с теми, которые происходят при освоении первого (родного) языка. Иностраный язык изучается обычно на базе уже **развитой** (с помощью родного языка) техники мышления, **в основных чертах** одинаковой у всех людей независимо от того языка, которым они пользуются в общении. Это обстоятельство в огромной степени облегчает изучение иностранных языков, но оно же предопределяет их вторичную роль по сравнению с первым (родным) языком.

Развитие мышления, как и освоение языка, протекает особенно бурно в раннем детстве, но оно продолжается в течение последующей жизни и деятельности человека. Уже приобщение к практически бесконечному миру письменного языка раскрывает новые горизонты и неизмеримо расширяет умственный кругозор индивида. Совершенствование и обогащение мышления происходит и за счет изучения иностранных языков, не только умножающих сферы языкового общения (а следовательно, источники, из которых может пополняться языковая база мышления), но и снабжающих мышление дополнительными аспектами, характеризующими различные языки и специфичными для разных народов мира.

С мыслительной функцией языка тесно связана его **познавательная** функция.

Языковой коллектив познает мир, активно взаимодействуя с ним в процессе трудовой и иной деятельности. Но это взаимодействие невозможно без обмена информацией между членами коллектива. Поэтому процесс познания и накопления сведений о явлениях материального мира с их свойствами и взаимосвязями обязательно сопряжен с **называнием** всех этих элементов действительности, т. е. с отображением их в языке. Это требует само **осознавание** мира, поскольку и мышление базируется на языковых знаках и категориях.

Как известно, сущность процесса познания заключается в обобщении частных сведений о явлениях материального мира. Мы можем, к примеру, лишь тогда познать свойства воды, формы ее существования в пространстве и времени, взаимодействие с другими явлениями материального мира, когда установим, что то, что находится в данной конкретной луже, озере, реке, море и т. п., и то, что выпадает в виде дождя и росы, есть нечто фундаментально единое, «одно и то же». Средством объединения и обобщения первоначальных частных сведений о явлении служит язык, замыкающий и фиксирующий найденное из опыта и осознанное единство и отдельность в оболочке языкового знака. В древнем, созданном многие тысячи лет назад слове «вода» (или его первоначальном прототипе) точно так же, как и в новейшем (для 1960 г.) образовании «анти-сигма-минус-гиперон» (наименование вновь открытой элементарной частицы), зафиксированы и подытожены определенные этапы сложнейшей, длительной познавательной деятельности человеческих коллективов.

Не следует, однако, полагать, что актом «называния» заканчивается и ограничивается процесс познания элемента действительности. Напротив, им по существу лишь **открывается** этот процесс, который может длиться бесконечно долго. Этот процесс может оборваться, если элемент действительности исчезает или если отображение каких-то аспектов мира в нашем сознании оказывается ложным или не удовлетворяющим потребностям коллектива. Любое дальнейшее обобщение познаваемых на опыте свойств и связей явления осуществляется и закрепляется опять-таки с помощью языковых знаков, которые (как мы увидим ниже) могут иметь вид не только отдельных слов (*вода, течь, соленый*), а также и словосочетаний (*соленая вода, вода из нашего колодца, вода Черного моря*) или более сложных

языковых единиц — предложений и сообщений (например, *Вода состоит из кислорода и водорода. Ее химическая формула H_2O .*

Разумеется, не каждый употребляемый в общении языковой знак (любой сложности) имеет объективную познавательную ценность для всего коллектива или его части. Некоторые знаки могут даже возникнуть в результате неправильного, искаженного преломления в сознании людей фактов объективного мира, т. е. быть ошибочными или намеренно ложными (такова, например, вся группа языковых единиц, связанных с религиозными представлениями и верованиями). Другие знаки (их процент возрастает пропорционально сложности знака) могут не содержать ничего существенно нового и ценного для коллектива в целом, отвечая лишь нуждам повседневного общения между индивидами. Однако все это ни в какой степени не умаляет роли языка как главного орудия общения и закрепления всего того, что достигается в процессе познавательной деятельности человека. Циркулирующие в общении языковые знаки в основном правильно отображают действительность; если бы это было не так, т. е. если бы сообщения в большинстве случаев были ошибочными или ложными, то система информации в коллективе не могла бы выполнять своих функций и само существование коллектива стало бы невозможным.

Огромную роль в процессе познания играет **накопление** полученных данных о материальном мире, обеспечивающее прогресс человеческого общества и неуклонное совершенствование мышления людей. Новое всегда познается с помощью известного, а известное закрепляется в сознании людей почти исключительно в виде языковых знаков, постепенно накапливающихся и передаваемых из поколения в поколение.

Пока сумма знаний, собранных языковым коллективом, невелика, она может храниться в памяти индивидов и передаваться устно. Но на определенной ступени развития общества это становится невозможным, и тогда возникает потребность в какой-то **фиксации** познанного и познаваемого с тем, чтобы преодолеть ограниченную вместимость человеческой памяти, обеспечить надежную передачу знаний (отчасти запечатленных в произведениях художественной литературы) из поколения в поколение и распространение их среди членов крупного языкового коллектива в

соответствии со складывающимся в обществе разделением труда. Для удовлетворения этой потребности создается **письменный язык** — хранилище языковых единиц, роль и значение которого в современном общественном коллективе невозможно переоценить. Кроме вышеназванных функций, письменный язык призван обеспечивать обмен информацией в условиях, когда общающиеся разделены значительными интервалами пространства (или времени), т. е. когда исключается возможность применения непосредственного звукового общения (подробнее об этом см. в гл. 4).

Введение письменности необычайно убыстряет развитие коллектива, приобщая его к общемировым научным и культурным достижениям и в огромной мере способствуя прогрессу национальной культуры. Использование всех преимуществ письменного языка возможно лишь в условиях социализма и коммунизма, когда все члены общественного коллектива могут в равной мере приобретать знания, черпая их из общенационального и общемирового письменного фонда, и вносить свой творческий вклад в этот фонд.

В условиях множественности разноязычных коллективов (что имеет место на нашей планете) большое значение для познавательной деятельности человечества имеет **межнациональный обмен информацией**, который в значительных масштабах становится возможным лишь при наличии письменности у соответствующих народов. Необходимым условием для такого обмена информацией является **изучение иностранных языков**, практикуемое сначала отдельными индивидами — переводчиками, выполняющими роль посредников между членами языковых коллективов, а затем, когда потребность в таком обмене возрастает, большими группами или даже языковыми коллективами в целом. Достижению этой последней цели и посвящено обучение иностранным языкам в массовой средней школе.

Вплоть до создания общемирового языка межнациональное языковое общение путем изучения иностранных языков будет играть важнейшую прогрессивную роль. Именно таким путем великие идеи марксизма-ленинизма и другие крупнейшие достижения науки и культуры становятся достоянием всего человечества.

Мы говорили только что о роли языка в познавательной деятельности целого языкового коллектива (а в самом общем плане — всего человечества). Столь же велико значение языка в развитии познавательных способностей и

накоплении знаний у каждого отдельного индивида. Разница между этими двумя аспектами познавательной функции языка заключается в том, что индивид, разумеется, не проходит самостоятельно все фазы и стадии познания коллективом окружающего мира (что было бы абсолютно неосуществимо), а получает **готовые**, уже приобретенные ранее и хранимые языковым коллективом сведения, причем почти исключительно через посредство языковых знаков (лишь простейшие навыки мускульной трудовой деятельности могут осваиваться путем «немой» имитации).

Только пройдя период «первоначального накопления» языковых знаков (а вместе с ними сведений об окружающем мире и о себе самом), индивид становится полноправным членом языкового коллектива, способным принимать участие в познавательной и иной деятельности людей.

В современных условиях важную роль в познавательной деятельности индивида играет изучение иностранных языков, расширяющее доступные ему источники знаний и жизненного опыта. Владение иностранными языками делает более ценным вклад индивида в познавательную деятельность того языкового коллектива, к которому он принадлежит.

Глава 2

СИСТЕМА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

Как уже отмечалось выше, языковое общение складывается из двух компонентов, имеющих совершенно разную природу.

Первый компонент языкового общения — это **система языковых знаков** (звуковых или графических), находящихся в обращении среди членов языкового коллектива и несущих единицы информации. Второй компонент — это **коммуникация** или деятельность общающихся по обмену информацией, сводящаяся главным образом к **производству** языковых сигналов на «передающем конце» и их **приемлению** на «приемном конце».

Правильное понимание природы и свойств системы языковых знаков и языковой коммуникации есть важнейшее условие создания рациональной методики обучения иностранным языкам.

Обратимся к рассмотрению первого компонента языкового общения — системы языковых знаков.

Выше мы определили языковой знак как звуковой или графический комплекс, соотносящийся с какой-либо единицей мышления и являющийся частью универсальной системы общения. Нам легче будет понять свойства знаковой системы языка, если мы вспомним, что, помимо знаков звукового языка и письма, люди используют для целей взаимной информации (общения) и другие сигналы, играющие, однако, сугубо второстепенную и вспомогательную роль по отношению к тому универсальному и совершенному орудию общения, каким является язык. Информационным сигналом может быть и палочка, положенная поперек лесной тропы и советующая охотнику свернуть в сторону, и свис-

ток кондуктора, возвещающий об отправлении поезда, и поднятая рука, свидетельствующая о желании остановить проезжающий мимо автомобиль, и белый флаг, объявляющий о мирном намерении парламентариев.

Информационным знаком служит, таким образом, любое явление, наличие которого условно (в силу исторически сложившихся обстоятельств или по сознательной договоренности между людьми) в целях общения увязывается с определенной единицей мышления, а через нее — с каким-то другим явлением материального мира.

В этом условном соединении одного явления с представлением или мыслью о каком-то другом явлении (целью чего является передача информации) и заключается вся суть информационного знака, в том числе и языкового знака.

Из сказанного следует, что любой информационный знак (в том числе и языковой) представляет собой единство двух сущностей — **внешней формы**, или оболочки, и **значения**, или содержания, которые известный швейцарский лингвист Ф. де Соссюр удачно назвал **означающим** и **означаемым** знака. Необходимо подчеркнуть, что в качестве «**означаемого**» знака выступает не непосредственно какое-либо физическое явление, а лишь мысль или представление о нём. Как остроумно заметил А. Гардинер¹, предмет, обозначаемый словом «пирожное», съедобен, но этого нельзя сказать о значении данного слова. Лишь в сознании общающихся лежащий поперек дороги прутик соединяется с настороженным где-то дальше самострелом, а свисток кондуктора — с отходящим поездом.

Выше (гл. 1) уже говорилось о том, что одним из главных признаков сообщений является их дифференцированность, определенным образом отражающая структуру материального мира и нашу способность познавать его. Естественно, что общие черты дифференцированности языковых знаков присущи в равной мере всем языкам мира.

Дифференцированность языковых знаков языка имеет форму **порядковости**: это означает, что языковые знаки располагаются в виде последовательно усложняющихся ярусов, или порядков, причем знаки любого порядка образуются обычно из знаков предшествующего или того же порядка.

¹ Alan H. Gardiner, The Theory of Speech and Language, Oxford, 1932, p. 29.

При анализе порядковой системы знаков языка надо исходить из самого общего определения знака: **знаком в языке является все, имеющее форму и смысл, т. е. означающее в сфере системных звуковых или графических комплексов и означаемое в сфере мышления**. С этой общей точки зрения языковым знаком является не только слово или основа слова, но также и словосочетание (синтагма), предложение и даже целое сообщение, которое может складываться из нескольких предложений.

Со времён де Соссюра нередко высказывается концепция о том, что языковым знаком является лишь слово, а более сложные языковые образования относятся уже не к языку, а к «речи», выходя, таким образом, за пределы знаковой системы языка.

Однако совершенно очевидно, что эта точка зрения не только не согласуется с общим определением языкового знака, но и противоречит марксистскому пониманию языка как орудия общения и «практического сознания». Мы не можем ни общаться, ни мыслить при помощи одних только слов и нуждаемся для этого в более сложных языковых образованиях: словосочетаниях, предложениях, сообщениях. Все эти образования обладают означающим (формой) и означаемым (смыслом), т. е. имеют знаковую природу, ничем не отличаюсь в этом своем самом общем свойстве от более простых знаков — слов. С точки зрения общего свойства «знаковости» не имеет никакого значения, воспроизводится ли данное языковое образование из памяти или продуцируется в акте коммуникации (хотя это **очень** важно с точки зрения механизма передачи сообщения, см. гл. 3).

Своеобразие системы языковых знаков языка заключается, между прочим, в том, что она базируется на элементарных единицах, лишенных означаемого, т. е. не соотносящихся с какими-либо единицами мышления. Такими единицами, которые можно назвать **элементами** языка, в звуковом языке являются фонемы, а в языке письма — графемы (буквы и варианты их написания). В языках с иероглифической (идеографической) письменностью простейшим компонентом языка является уже знак понятия — иероглиф. Однако иероглифическое письмо в чистом виде существовать не может, ибо практически невозможно для каждого нового понятия создавать новый элементарный знак; поэтому иероглифы используются не только в качестве знаков понятий, но и как незначащие элементы — графе-

мы, определенным образом соотносящиеся с элементами звукового письма.

Количество элементов (фонем и графем) в языках невелико; оно не превышает нескольких десятков единиц. Необходимо отметить, что не все сочетания или комбинации элементов являются допустимыми: каждый язык располагает не только набором элементов, но и наиболее типичными и употребительными их сочетаниями; многие сочетания элементов являются «запретными» и никогда не фигурируют в данном языке, другие встречаются редко. Несмотря на отсутствие полной свободы выбора сочетаний элементов, их число оказывается более чем достаточным для формирования языковых знаков языка: путем комбинирования нескольких фонем из общего их набора (даже за вычетом «неудобных» сочетаний) может быть образовано неограниченное количество простейших знаков языка — слов, из которых формируются более сложные знаки. Практически же мы используем в общении лишь ничтожную долю возможных комбинаций языковых элементов.

В системе языка мы усматриваем знаки четырех порядков, или ярусов.

Первый ярус образуют знаки понятий — слова или основы слов. Во многих языках знаки понятий (точнее, некоторых разрядов понятий) не выступают в чистом виде. Поскольку знак понятия — слово — фигурирует обычно в составе словосочетания или предложения, он нередко бывает неразрывно слит со специальными формантами, используемыми для образования этих сложных знаков, и тогда мы имеем дело с фрагментами последних — словоформами, в которых не всегда четко выделяется носитель лексического значения — основа слова. Именно так обстоит дело в индоевропейских языках с их «синтетическим» строем. Однако словоформы (склоняемое имя, спрягаемый глагол) не образуют самостоятельного яруса языка, который был бы промежуточным звеном между основой и синтагмой (словосочетанием). В ряде языков (например, тюркских, китайском и др.) словоформы индоевропейского типа отсутствуют и «основная форма» слова выступает в качестве чистого носителя лексического значения.

Образование фонда знаков первого порядка — слов (вместе с их означаемыми — понятиями) — является результатом тысячелетней познавательной работы многих поколений членов языкового коллектива. Новые слова (осно-